

Феномен политического отчуждения в исторических судьбах черкесского народа

Валерий Н. Сокуров¹

Аннотация

В истории черкесов много загадочных и трагических страниц. Почему, например, в Средние века и Новое время, за пределами своей страны они проявляли большую мобильность и политическую активность, чем у себя на Родине? И в чем причины такой, во многом парадоксальной культурной модели поведения? Что двигало ими – «бегство от свободы»? Почему, располагая необходимыми природными, экономическими условиями и достаточными человеческими ресурсами, черкесы так и не смогли создать свою государственность? В статье автор предпринимает попытку найти ответы на эти вопросы, рассматривая наиболее характерные для черкесского традиционного общества формы политического отчуждения. Выявлены как позитивные, так и негативные последствия данного феномена в истории черкесского народа.

Ключевые слова: черкесы, политическое отчуждение, работорговля, мамлюки, кондотьерство, трибализм

The Phenomenon of Political Alienation in the Historical Fate of The Circassian People

Abstract

Circassian history is full of mysterious and tragic pages which give rise to many questions. Why was it, that throughout the Middle Ages and the Modern Age, the Circassians when serving in foreign countries tended to play a more important social role, displaying far greater mobility and political activity than when living in their homeland? What underlay their driving powers, were they striving for freedom or escaping from it? What caused their 'curious' cultural

---

¹ Валерий Нануевич Сокуров, кандидат исторических наук, Психологический институт Российской академии образования, Москва, e-mail: valerybey@yandex.ru.

model of behaviour? Why did they fail to develop a broad governmental system in spite of natural, economic, cultural and human resources being available? In this article the author attempts to find the answers to these questions by taking into consideration those voluntary, involuntary, individual and collective forms of political alienation which are seen as characteristic of traditional Circassian society. Both the positive and negative consequences of this phenomenon in the development of the Circassian people are revealed.

Keywords: *Circassians, political alienation, slave-trade, mamluks, mercenaries, tribalism*

1

Сегодня почти забытая, но некогда обширная и живописная страна Черкесия занимала значительные пространства Северного Кавказа – от Черного моря на западе до правобережья р. Терек на востоке включительно, от Главного Кавказского хребта на юге до Кумских и Курейских степей на севере. В силу своего географического положения, она находилась на стыке Запада и Востока, а, следовательно, христианской и исламской культур. Это обстоятельство накладывало и продолжает накладывать отпечаток на всю историю, культуру, политику, идеологию, характер и менталитет черкесского народа. «Черкесы» — экзоэтноним, а «адыги» — общее самоназвание народа, которое объединяло множество независимых самоуправляющихся субэтнических групп: абадзехи, бжедуги, шапсуги, натухай, убыхи, адамеи, жанэ, мамхеги, махоши, кемиргои, кабардинцы, бесленейцы и др. На протяжении обозримой истории Черкесия никогда не обрела политического единства. Все здесь восставало против государственности – остатки патриархально-родовых отношений, разный социально-экономический уровень субъектов, религиозное многообразие (язычество, ислам, христианство) и господство идеалов рыцарской морали.

Феномен внутренней свободы, который следует признать одной из базовых констант этнической психологии адыгов, оказывал воздействие на все стороны их жизни. Парадоксально,

но эта черта «уживалась» в сознании адыгов и в социально-политической практике исторической Черкесии с диалектически противоположными явлениями, сутью которых было политическое отчуждение человека (например, рабство).

В современной науке под политическим отчуждением обычно понимают (само)дистанцирование человека от политических реалий. Отчуждение человека – важнейший элемент образа жизни, вполне естественное явление, сопровождающее всю историю человечества и объясняющее некоторые способы выживания. Политическое отчуждение, по существу, представляет собой чувство неудовлетворенности, разочарования и безразличия в отношении политических лидеров, политикой правительства и самой политической системой. Психология обычно относит отчуждение к механизмам психологической защиты. Для этого вида защиты характерно чувство утраты эмоциональной связи с другими людьми, ранее значимыми событиями или собственными переживаниями. Индивидуальные и массовые перемещения населения и сопутствующие им изменения его положения имеют большие личностные и психологические последствия [Психологическая, 2006].

В то же время, к политическому отчуждению можно отнести и насильственные его формы (по аналогии с известным феноменом экономического отчуждения), когда человека лишают возможности участвовать в политическом процессе в том или ином качестве. Одной из самых ранних форм принудительного отчуждения человека надо признать институт изгнания, а также торговлю людьми, дань людьми. Понятие политического отчуждения объединяет еще целый ряд социально-политических институтов: династические браки, кондотьерство, миграция (внешняя, добровольная и вынужденная, индивидуальная и массовая), политическое бегство, побеги крестьян, аманатство. И это еще не весь перечень. Рассмотреть все это в одной статье невозможно, поэтому остановимся на наиболее характерных для черкесского традиционного общества формах отчуждения.

Этапы становления и развития черкесского общества весьма

своеобразны. Его история – это история развития культуры, отличающейся от культур Запада и Востока. В Средние века и Новое время черкесы играли совершенно определенную стереотипную роль в истории сопредельных стран. Как бы оправдывая ожидаемую роль, юноши и девушки в массовом порядке попадали на невольничьи рынки, а отсюда первые, как правило, – на военную или административную службу, девушек ожидал гарем. Похищение, продажа и покупка людей, особенно в эпоху Золотой Орды, приобрели глобальный характер, стали нормой жизни. Активно занималось торговлей рабами Крымское ханство, сменившее Джучиев улус. Крымские ханы брали дань людьми (*цыхут*) с черкесов, которые в большинстве своем оказались в вассальной зависимости от них. Работоторговля в Западной Европе осуществлялась на всем протяжении Средних веков, в частности, ею занимались итальянцы. Шарль Верлинден в своей работе о рабстве в Европе пишет, что в XIV и особенно в XV вв. число рабов зихского (черкесского) происхождения в Италии значительно возрастает. Существовали два главных канала перевозки рабов из Черкесии – один в Италию, другой в Египет [Verlinden, 1977].

Основной рынок рабов находился в городе Кафа. Из генуэзских документов XIII в., опубликованных Братиану, видно, что на первом месте по цене стояли черкесы в возрасте 10-15 лет. «В Лукке в XIV в. – продолжает тот же автор, – за черкешенок платили от 2000 до 2400 лир» [Зевакин, Пенчко, 1938: 91–94]. За счёт рабов, вывезенных из Северного Причерноморья, сформировалась и пополнялась мамлюкская гвардия в Египте. Венецианский купец Эммануэль Пилоти, поселившийся в Каире в 1400 г., писал, что во дворце султана в Цитадели не менее 6 тыс. юных невольников, готовящихся к военной службе [Битти, 2007: 185–186].

В 1382 г. мамлюки черкесского происхождения стали властителями Египта. Аз-Захир Сейф ад-дин Баркук (1382–1389, вторично 1390–1399) был первым мамлюкским султаном Египта черкесского происхождения. Черкесские султаны сохранили и расширили империю, доставшуюся в наследство от Салах ад-Дина. В конце XV – начале XVI вв. обширная империя

султаната включала Египет, Сирию, Палестину, Киликию, Барку (Киренаику), Нубию, Хабеш (прибрежную часть современного Судана, Эритрею и часть Сомали), а также вассально зависимые территории по Верхнему Ефрату, в Хиджазе, Йемене и других районах Южной Аравии. Черкесские правители Египта претендовали на главенствующее положение в мусульманском мире. Они носили титул «султан ислама и мусульман», а свое государство рассматривали как центр мусульманства [Иванов, 2001: 15-16]. Такое положение сохранялось в течение трех веков, пока султанат не пришел в упадок. Взятие Константинополя в 1453 г. и дальнейшие успехи турок значительно сократили военный потенциал Египта, для подрыва которого, в частности, османы чинили помехи для приобретения и доставки юных мамлюков. Дмитрий Кантемир считал это одной из главных причин османской активности в Крыму и на Кавказе, в т. ч. – похода турок в 1484 г. в Черкесию, в ходе которого были разгромлены все основные центры пополнения мамлюкских дружин [Cantimir, 1745].

Династия черкесских мамлюкских султанов находилась у власти в Египте с 1382 по 1517 гг. *«Султанат в этот период стал частью владений черкесской знати»*, – говорит востоковед А. Н. Поляк и приводит в подтверждение слова позднесредневекового автора Ибн-Тагри-бирди: *«Баркук и его преемники перевернули порядки государства, выдвигая только людей из своей среды и выдавая крупные поместья своим родственникам, иногда даже недавно привезенным мальчишкам»*. *«Принадлежность к знати Черкесии не только способствовала карьере в войсках султаната, но стала важнее формального положения, –* заключает Поляк [Поляк, 1964: 52]. Особенно беспрецедентных размеров достигла черкесская иммиграция в годы правления Инала (1453–1461) и Каитбея (1468–1496), несколько иной была позиция султана Кансав ал-Гаури (1501–1517), который продвигал людей не по признаку родства, а исходя из личных качеств [Хотко, 1995: 113–131].

9 апреля 1517 г. могущественная империя черкесских

султанов прекратила существование. В районе Гизы произошло решающее сражение, в ходе которого мамлюки потерпели поражение от османов. Спустя три дня под аркой каирских ворот Баб Зуэйла был повешен султан аль-Ашраф Туманбей. Включение арабских стран в состав Османской империи не было завоеванием в классическом смысле слова. Скорее, это была смена власти. Османский султан Селим I “простил” мамлюков. Из них стали формировать особые части османской армии – «корпус черкесов» («джамаат аль-джеракис»). Им вернули оружие и стали выдавать небольшое денежное довольствие. Но, при этом, мамлюкам пришлось расстаться с элегантной рыцарской формой и надеть турецкий кафтан, шапку и сапоги. Из всего прежнего великолепия им оставили только право ношения бороды. Селим I предоставил мамлюкским военачальникам, перешедшим на его сторону, почти полную внутреннюю самостоятельность. Хаир-бек даже не платил дани Порте [Иванов, 2001: 56]. *«Подданные Селима, – пишет В. В. Бартольд, – негодовали на своего султана за то, что он отнял у черкесов царство для того, чтобы возратить его им, без всякой выгоды для османцев»* [Бартольд, 1966: 63; Иванов, 2001: 52].

В османский период черкесы также, хотя и в меньших масштабах, были представлены в рядах мамлюков. Черкесия оставалась основным поставщиком живого товара, но при этом направление потока рабов изменилось. После взятия Каира османы особенно нуждались в рабах, и большинство рабов черкесского происхождения попадали теперь не в Египет, а в Османскую империю.

2

Крупнейший невольничий рынок в Кабарде имелся в урочище Джулат, куда съезжались отовсюду. По сведениям Ж. Шардена, за самую красивую девушку здесь давали 60 коров [Путешествие, 1902: 20]. С. М. Броневский писал: *«Восточные народы тщеславятся тем, чтобы иметь в числе жен или наложниц черкешенку, и потому покупают их за дорогую цену для пополнения гаремов султанских, шахских, ханских и прочих*

знатных особ во всю Азию» [Броневский, 1823: 101-102]. Существует мнение, что многие кавказские женщины добровольно отдавали себя в руки работарговцев в надежде занять место наложницы в гареме богатого дома [Поркшеян, 1957: 353; Пензер, 2007: 18-20]. Были случаи, когда бедные семьи в отчаянии сами продавали своих детей. Э. Спенсер всерьез и небезосновательно возражал против этой противоестественной человеческой нормы. «Мнение, сложившееся в Европе, – писал он, – что князья и дворяне черкесского происхождения продают своих дочерей, не обращая внимания на их социальный статус, туркам и персам для их гаремов, абсолютно неверное. ...Большинство девочек, продаваемых на базарах Константинополя и главных городов Малой Азии и Персии в качестве черкешенок, являются или абазинками, или детьми черкесских крестьян, или пленницами, захваченными у соседних казаков или у тех кавказских племен, которые присягнули России» [Описание, 2008: 186-187].

Османская империя, еще в XVI столетии подчинив себе Западную Черкесию, претендовала и на восточную часть страны – Кабарду. Однако осуществлению этой задачи мешали как отпор со стороны кабардинцев, так и стремление России окончательно укрепиться в этом регионе. Кабардинцы не признавали верховенство Турции и Крымского ханства, но прибегали к разным приемам защиты, в частности, платили дань — юношами, девушками, а также другими ценными товарами. Дань людьми («цыхут») взималась двумя-тремя способами: путем снаряжения экспедиции или добровольного привоза «под именем подарка», существовала еще форма принудительного взимания платы («погрешное») с провинившихся за проступки (убийство калги, хана и т. д.). Вот что писал турецкий автор конца XVII в. Гезар-Фен: «Крайний предел черкесов, обитающих в Таманском округе, куда назначаются от Высокой Державы судьи, составляют черкесы Жанэ: у них еще действуют вообще постановления шариата, брать из них невольников не позволительно, а от Жанэ до черкесов Кабарды – это места войны; брать у них полоняников позволительно. В таком-то своем состоянии они из страха покоряются ханам, так что,

говоря: «Пусть только он не воюет против нас», ежегодно его величеству хану, калге и нур-эд-дин-султану преподносят черкесских невольников под именем подарка» [Смирнов, 2005, т. 1: 270].

Турецкие и татарские источники утверждают, что у черкесов было правилом набирать 300 человек для подарка каждому новому хану и его семейству. То же самое подтверждают и русские документальные источники. В 1566 г., когда Селим II Рыжий после смерти Сулеймана взшел на султанский трон, он писал хану, *«чтоб к нему прислал черкасских робят и девок чистых 300 человек»*, что и было исполнено [РГАДА, ф. 123, кн. 13, л. 26 и сл.]. В 1626 г. кабардинские пши Алигоко I и Хатокшоко I собрали в своих владениях 140 человек и отправили к хану Мехмед III Гирею [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1626, д. 2, лл. 154-157]. В 1653 г. они же, в знак уважения к своему зятю, хану Исламу III Гирею отправили *«130 человек, много добрых аргамаков, панцырей и сабель»* [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1654, д. 1, лл. 34-41, 70-71]. В 1662 г. пши Хатокшоко I в письме астраханскому воеводе Г. С. Черкасскому сообщал, что дают хану *«на всякий год душ по двадцать, по тридцать»* [РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1662, д. 1, лл. 1-41]. В мае 1671 г. Селим I Гирей организовал крупный поход против вышедших из повиновения кабардинцев. Нашествие длилось около восьми месяцев и имело целью вернуть кабардинцев за Кубань и попытаться взять «аманатов и вместо дани ясырь». Лишь после подхода дополнительных сил, потеряв в походе около 6 тыс. человек, хану удалось вывести из Кабарды 57 заложников [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1671-1673, д. 52, л. 177; д. 55, лл. 1-218; оп. 2, 1674-1679, д. 59, лл. 153, 170]. В сентябре 1693 г. хан Селим I Гирей и нурадин Азамат Гирей отправились в поход в Венгрию, а калга Девлет Гирей – собирать ясырь «между горских черкасах» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1693, д. 1, лл. 53-64]. Давление на кабардинцев, очевидно, было серьезным, так как великий князь Кургоко Хатокшокович вынужден был обратиться к русскому царю с просьбой о помощи. В 1696–1697 гг. в Крыму был страшный голод, вызванный засухой и неурожаем, из-за чего хан Селим I Гирей прислал отряд сейменов *«с 500 человек для выбору ясырей»* [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1693, д. 7, л. 11].

В апреле 1707 г. на крымский престол взошел молодой и заносчивый сын Селима I Гирея Каплан I Гирей. Новый хан отправил в Кабарду калгу Менгли Гирея с отрядом сейменов и потребовал покорности, покаяния и штрафа от кабардинских князей за укрывательство у себя беглых бесленеевцев. Полгода спустя калга вернулся и сообщил об отказе кабардинцев выполнить эти условия [Смирнов, 2005, т. 2: 14]. Кабардинцы обратились к турецкому султану Ахмеду III (1703–1730) с жалобами на Каплана I Гирея: *«теперь они де мусульмане и не годится хану брать с них дань как с неверных»* и отослали в подарок султану 10 юношей и девушек [РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1707 г., д. 3, л. 114.]. Посланцы объяснили султану, что раньше у них был обычай преподносить каждому вновь вступившему на престол хану ясырь, но за последние 15-20 лет ханы менялись слишком часто – каждый год новый хан, и у них нет достаточно детей, чтобы выполнить этот обычай. К тому же, говорили они, большинство народа приняло ислам, в каждой деревне строятся мечети, исправно совершается пятикратная молитва. Можно ли при таких условиях требовать так много рабов и чинить притеснение? [Смирнов, 2005, т. 2: 15]. Кабардинское посольство в Стамбуле было обречено изначально. Стремление их к независимости и отказ платить дань людьми сильно разгневало турецкого султана, который никак не мог отказаться от черкесского источника, одного из главных поставщиков людей в османскую армию и гарем. Ахмед III безоговорочно взял сторону хана и объявил войну кабардинцам. Посол П. А. Толстой из Константинополя сообщал своему правительству: *«Июля в 18 день [1708 г.] стало известно... о походе крымского хана достоверно, что де хану крымскому велено иттит на черкес. ...послан к нему хану от Порты указ и по обыкновению редкой кафтан и велено де ему иттит на оных самому, взяв с собою тридцать или сорок тысяч татар, чтобы де оных черкес разорить и жилища их пожечь»* [РГАДА, ф. 89, 1708, д. 2, л. 278].

Весной 1708 г. Каплан I Гирей выступил в поход и достиг Кабарды в самый разгар жатвы. Сознвая, что экспедиция крымцев может привести к опустошению и покорению страны, великий князь Кургоко Хатокшокович обратился к хану с

предложением о мире, просил несколько умерить размеры взимаемой дани. Но Каплан I Гирей отверг эти предложения и, настаивая на своем, заявил: «Меньше трех тысяч пленных не беру» [Смирнов, 2005, т. 2: 15]. Вначале кабардинцы пообещали хану выполнить его требования, но затем неожиданно «били боем, ночью». О полном разгроме армии Каплана I Гирея, его бегстве и ранении в руку в Стамбуле стало известно в конце октября 1708 г. По сведениям российского посла в Стамбуле, от войска хана уцелело всего около 5 тыс. человек, а из отряда Муртазы-паши, у которого было «больше четырех тысяч турок конных... возвратилось в Керчь всего человек с тридцать» [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1708, д. 2, л. 437об.]. 3 ноября посол П. А. Толстой сделал запись, что из-за поражения «на войне против черкесех» Каплан I Гирею дана отставка, на его место назначен брат его Девлет Гирей [РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1708, д. 2, лл. 419об., 420-421]. Эта битва, зафиксированная в исторической памяти кабардинского народа как «Канжальское сражение», положила конец крымско-турецкой зависимости. Однако Черкесия еще долгое время оставалась важным поставщиком невольников на восточные рынки – вплоть до середины XIX в., пока Северное Причерноморье и Кавказ не вошли в состав Российской империи.

3

В Средние века и Новое время весьма популярной была традиция выезда на государеву службу (итал.: *comites regis*), которая приобрела у черкесов законченную форму, стала системой, нормой права. В литературе существует и другой, по-видимому, более точный термин *кондотьерство* (от итал. *condotta* – договор о найме на военную службу), отражающий суть этого института. Старались выезжать в более богатые и благополучные страны, где были лучшие условия для карьеры и личностного самовыражения. Выезды случались как по доброй воле, так и под давлением клана, рода. Роль «солдата удачи» была главным предназначением многих *пшиуорков*. Военная служба по найму – это то, что они хорошо знали и чем могли торговать.

Правители соседних стран охотно привлекали на службу выходцев из Черкесии, выделявшихся отчаянной храбростью, ловкостью и боевым опытом. Личное достоинство, «кодекс чести», врожденный аристократический этикет (*узркъ хабзэ*), схожий со средневековым рыцарским, делали их исключительно верными приверженцами правителей и украшением придворной свиты. Военный профессионализм превратил черкесов в «гвардейскую касту», обслуживающую дворы властителей соседних держав. Даже в наши дни охрану иорданского короля полностью осуществляет черкесская гвардия, что, очевидно, следует воспринимать как дань традиции.

В окружении самого могущественного султана Османской империи Сулеймана I Великолепного (1520–1566) было немало черкесов: одни из них мамлюкского происхождения, после взятия Каира перешедшие на службу в Стамбул, другие – родственники царицы. По турецким источникам известны шурин султана Сулеймана I пши Махошоко Каноков, бейлербей в Килисе черкес Каир бей (1522), также из числа египетских военачальников, бейлербей Йемена, завоеватель Хабеша (Абиссиния), распространивший власть Порты на северо-восточную часть Африки, Оздемир паша и его сын визир Осман паша [Печеви, 1988, т. I: 27, 197, 338; т. II: 15, 48, 55, 72, 74, 77, 82–88, 95; Asafi Dal Mehmed Celebi, 2009. – 272s.; Эвлия Челеби, вып. 2. 1979: 26, 50, 59, 62, 63, 65, 82, 94, 105, 108, 113, 114, 117, 125, 139, 159, 193, 219; КРО I: 14–15, 21, 22, 25–26, 30, 32, 35–43, 48, 49, 68, 69, 398, 402; Kirzioglu, 1998, s. 442], прославившийся завоеванием Кавказа и умерший на посту великого визира (28.07.1584–29.10.1585), черкес Искендер паша, бейлербей Вана и заместитель великого везира и его сын Ахмед паша, черкес Касым бей, второй дефтердар и бейлербек (санджакбей) Кафы, совершивший в 1569 г. поход на Астрахань. «Тарихи» Печеви упоминает сына Касима паши Канболат бея, также под 1583 г. – Черкес Хайдар пашу, бейлербея Сиваша и Румелии; Мурат пашу сына Канболата, сердара в 1607–1608 гг.; под 1632 г. бейлербея Румелии и везира Мустафа пашу, сына Канболат бея [Печеви, 1988, т. II: 30, 60, 62, 74, 200, 309–315, 329–330, 332, 375–384,

386, 398, 409]. Количество выезжающих из Черкесии на турецкую службу в XVII–XVIII вв. резко выросло, о чем свидетельствуют имена крупных государственных деятелей, полководцев и дипломатов. По подсчетам турецких историков, за османский период звания османских пашей (генералов) из числа черкесов получили 256 человек, 13 из которых стали великими визирами, один удостоился титула шейх-уль-ислама.

Турецкая культура многим обязана представителям других народов, талант которых турецкие султаны и чиновники, особенно в османский период, использовали весьма успешно. Историк А. Г. Авакян отмечает, что если султаны Абдул Меджит и Абдул Азиз заложили основы политики по активному использованию черкесов, то Абдул Хамид II упорядочил политику использования черкесов во всех сферах государственного и военного аппарата империи, возведя меры по привлечению черкесов на государственную службу в ранг государственной политики и придав ей систематический характер [Авакян, 2001: 146–147].

Не меньший след оставили черкесы в истории ближайшего соседа – Крымского ханства. Членами крымского дивана в правление хана Девлет I Гирея (1551–1577) были Татар мурза и Ахмед-Аспат – братья первой жены хана Айше Фатмы [Тазритоковой], женщины с сильным характером, которая держала бразды правления в своих руках. Черкесы при Девлет I Гирее и Мухаммед II Гирее (1577–1584) и позже занимали ведущие государственные посты. Это вызывало сильное недовольство со стороны представителей местной аристократии, не связанной родственными узами с черкесами. В 1577 г. последовал античеркесский бунт в Крыму, который был жестоко подавлен Мухаммед II Гиреем; зачинщики мятежа были публично казнены [РГАДА, ф. 123, оп. 1, 1577–1578, кн. 15, лл. 29об. –30].

Черкесские воины-наемники известны и в истории Сефевидского Ирана; в Грузии у царей Картли, Имеретии и Кахетии [Сокуров, 1999: 102]. Черкесские «пятигорские хоругви» состояли на службе в вооруженных силах Речи Посполитой с XVI в. и продолжали существовать вплоть до конца XVIII в. (правда,

состав их был в то время уже чисто польским, но специфика формирований оставалась прежней – средневековая «панцырная» кавалерия). В 1560-х гг. на службе у короля Сигизмунда II Августа были брат и сын жанеевского князя Сибока (Василия) Каншаокова Александр, а также бесленейский тлакотлеш Гаврила Тазрытоков. Ранее они служили Ивану Грозному. Польско-литовские же источники после 1561 г. называют имена служилого черкесского князя Касыма Камбулатовича, брата его Гаврилу, Олешку и Темрюка Шимкевича. Последний из них более известен – он принял крещение, получил имения в Подолии, в 1570 г. был ротмистром [Witanowdki, 1932, t. 1: 180–183; Driadulewicz, 1986: 446–447; Vovaioski, 1986: 102–105]. В XVII в. османские султаны ввели в практику внедрения в молдавский управленческий класс черкесских и абхазских мамлюков. Сурайа Фарокхи, признанный специалист по истории Османской империи, отмечает, что господарь обязан был дать мамлюкам боярское достоинство, а те, в свою очередь, принять православие. Черкесы и абазы занимали самые высокие посты в административном аппарате Молдавии, контролируя как молдавскую знать, так и самого господаря [Faroghi, 2004: 57].

В России почти весь состав дворянского сословия был иноземного происхождения. В их числе и Черкасские – княжеский род, сложившийся из выезжавших на царскую службу представителей черкесской и абазинской знати.

В советской историографии, начиная с 1950 г., приезд 1552 г. в Москву черкесских князей Махошоко и Елбозлуко традиционно преподносился как первое официальное дипломатическое обращение черкесов к русскому царю за помощью перед угрозой крымско-турецкого порабощения. В силу различных обстоятельств, в числе которых определенная зависимость от государства и политизированность общества, некоторые историки до сих пор искажают характер формирования русско-черкесских отношений. Политическим реалиям того времени никак не соответствуют предлагаемые ими формулы «добровольное присоединение», «вхождение» и даже «военно-политический союз». Выражение «взять к себе в

холопи» в данном случае нельзя понимать буквально, путая с привычным его пониманием «взять в подданство». В толковом словаре древнерусского языка читаем: «холопство» – это наем, работа, служба. Между тем переход в 1552 г. придворного черкеса султана Сулеймана Великолепного пши Махошоко Канокова к царю Ивану IV Грозному на службу было политическим бегством, типичным примером политического отчуждения. Источники позволяют нам вскрыть истинные мотивы этой измены. Сестру Махошоко, первую жену Сулеймана, султаншу Махидевран, через интриги небезызвестной фаворитки Хурем султан (*Роксаланы*), вначале оттеснили, затем – сослали. С этого момента жизнь Махошоко в Стамбуле потеряла всякий смысл, поскольку он не имел никакой возможности заступиться за сестру и защитить свою честь. Вскоре и его племянника, престолонаследника тридцативосьмилетнего принца Мустафу обвинили в измене и убили по распоряжению самого султана. Жизнь на чужбине редко бывает со счастливым концом. Трудности приходится преодолевать самому и принимать решение по каждому случаю также самому. И все же, независимо от обстоятельств морального или идеологического характера, поступок Махошоко Канокова был дерзким вызовом самому султану Османской империи и *халифу* – лидеру всего мирового ислама.

Бегство представило Сулеймана гонителем, а Махошоко мучеником. Как знатного человека, пользующегося известностью, Махошоко приняли в Москве с большим почетом. Он присягнул царю на верность, а в 1557 г. принял крещение под именем Ивана. Махошоко и сопровождающие его лица были представлены русскому царю как «*черкесские государи и князи*» [ПСРЛ. Т. XIII: 228]. Стремясь вернуть себе роль, утраченную при османском дворе, он очень скоро заслужил доверие и милость царя Ивана Грозного, стал его фаворитом, сподвижником и получил в награду обширные поместья в Тверской области. «Иван-Магашук-князь Черкасской», как прозвали его москвичи, честно провел на русской службе с 1552 по 1560 гг. Достаточно неожиданным следствием его политической карьеры стало формирование русской партии в Черкесии. За период с 1552 по

1559 г. мы насчитали шесть приездов в Москву из Черкесии: в ноябре 1552 г., августе 1555 г., июне 1557 г., июле 1557 г., октябре 1558 г. и сентябре 1559 г. При внимательном изучении состава этих посольств, нетрудно заметить, что все они были организованы одним и тем же Махошоко Каноковым [Сокуров, 2011: 55–58].

Сулейман Великолепный, получив известие об отступничестве Махошоко и о его набегах на турецкие города, должен был объявить охоту за ним. Султаны имели обыкновение фанатично преследовать вероотступников повсюду. Обвинение, что Махошоко занимается подстрекательством и хочет обратить в христианство население Черкесии, сделало его врагом мусульманской веры. В одном из набегов на Каффу Махошоко попал в плен к татарам и был казнен по приказу турецкого султана [Лемерсье-Келькеже, 1970: 60, 63]. В Эрмитажной копии (ГИМ) текст Синодика под 1561 г. обрывается на «вечной памяти» князю *«Ивану Амашуку Черкасскому, убитому от безбожных турок за православную веру»* [Бычкова, 1986: 178]. Смерть Ивана-Махошоко произвела на царя неизгладимое впечатление. Иван Грозный, которого часто предавали в жизни, долго чтит память князя, делал монастырские вклады по его душу как за близкого человека [РК 1550-1636. вып. 1. ч. 2. М., 1976, с. 267, 269, 282, 290, 300, 302, 321, 332, 335, 341, 350, 384, 385, 406, 409, 411].

Бывают роковые события, которые определяют ход истории на длительный период. Так случилось, что год 1552-й, когда Махошоко нашел спасение бегством в Москве, стал поворотным в истории Северного Кавказа. Именно благодаря Махошоко ряд черкесских князей перешел на службу к Ивану Грозному и состоялся двойной брачный союз между Идаровыми и Рюриковичами: Михайло Кемиргокович (Темрюкович) являлся шурином царя Ивана Грозного, будучи сам женат на племяннице Анастасии Захарьиной-Юрьевой – первой супруги русского царя. Все это кардинально изменило расстановку сил в черкесском обществе. В средневековой черкесской истории трудно найти другого политического деятеля, так сильно повлиявшего на судьбу своего народа. Насколько известно, выезд князя

Махошоко в Москву был первым в истории русско-черкесских отношений; в дальнейшем во многом благодаря его стараниям таковые приобрели систематический характер.

Вплоть до середины XVIII в. Черкасские занимали видные посты в центральном и местном государственном управлении России, а также командные должности в русской армии. В бояре они выходили, минуя чин окольного. Черкасские были ближними боярами, в отсутствие царя нередко замещали его в столице, руководили приказами-министерствами. При всех царях – от Грозного до Петра I – в Боярскую думу входили по два представителя от рода Черкасских: при Иване IV это были Михаил Темрюкович и Семен Ардасович, при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове – Борис Камбулатович и Василий Карданукович, при царе Михаиле Федоровиче Романове – Иван Борисович и Дмитрий Мамстрюкович, Алексее Михайловиче – Яков Куденетович и Григорий Сунчалеевич, а при Петре I – Михаил Алигукович и Михаил Яковлевич. Высшие должности в Российском государстве они получали не только за свои природные военные дарования. Родственные связи с виднейшими аристократическими родами облегчали им путь вверх. При этом имела определенное значение и принятая в Москве легенда о происхождении династии черкесских князей от египетского султана ал-Малик-ал-Ашраф Инала (1453 – 02.1461). Фактическое присутствие Черкасских в Кремле продолжалось на протяжении двух веков. После смерти великого канцлера Алексея Михайловича Черкасского в 1742 г. влияние Черкасских в государственной жизни России ослабло. Для государства, вступающего в новую фазу развития, нужны были люди не только военного склада [Сокуров, 2006: 296–311].

Выезды на царскую службу в Москву происходили в строгом соответствии со сложившимися правилами. Решение об отправке принимал совет *пшиуорков* (*хасэ*). Отбирали из числа княжичей в возрасте 16-20 лет и моложе. Обычно такого вызжающего представлял царю кто-нибудь из его влиятельных родственников: отец, дядя, брат. Вместе с княжичем выезжала вся его свита: ближний уздень, воспитатель, нянька, телохранители. Их также ставили на казенное содержание,

оберегали, обращались с ними подчеркнуто строго, вежливо, как с послами. В 1623 г. Урускана (Якова) Куденетовича, выехавшего в Москву для крещения, сопровождало семь человек, позже он вызвал еще 17 узденей, а также свою «няньку» – кормилицу вместе с мужем и детьми. В 1626 г. пши Канцао Битемрюкович просился в Москву для крещения вместе со своими людьми в 130 человек, в т. ч. 112 узденей, которые «с ним садились на конь» [Кушева, 1963: 111].

На первой аудиенции у царя рассматривалось прошение выезжающего, здесь же определяли его в один из монастырей сроком на шесть недель, в течение которого, по обряду русской церкви, отъезжанта готовили к крещению: обучали языку, знакомили с религией, нравами, обычаями. После церемонии крещения новокрещену выдавали одежду и полное военное снаряжение, в т. ч. и аргамака с царской конюшни во всем наряде, давались чины с соответствующими поместным и денежным окладами [РГАДА, ф. 115, 1664, д. 1, лл. 1-8; ф. 1287, д. 4879, л. 45].

Принимающему крещение (и ислам) давали новое имя. Это хорошо известный из истории прием. Наделение новым именем предполагает иную личность, обладающую не только иными качествами, но даже новыми взглядами на свою прошлую жизнь. Переименование помогает забыть всю старую жизнь и прежних друзей. Когда человек получает новое имя, новую семью, новую одежду и прическу, ему легче поддерживать в себе ощущение нового человека с иным мировосприятием [Грановская, 2004: 505-508]. В этом смысле процесс принятия христианства, так же как и ислама, был необратимым.

У кондотьеров одна стратегия – служить верой и правдой своему господину до конца жизни. Многие из них старались выглядеть «*святее, чем Папа Римский*»: строили роскошные церкви – к примеру, великолепную Останкинскую церковь в Москве построил в своем родовом имении ближний боярин Яков Куденетович Черкасский. Крещенные служилые князья не пропускали церковных праздников, обрядов, стремясь отличиться щедростью, делали большие монастырские вклады – словом, во всем старались быть прилежными христианами и

набожными людьми. Они лично, а также все их имущество принадлежали государю. Они не могли путешествовать без разрешения своего повелителя, и, разумеется, не могли от него уйти; связи с исторической родиной были запрещены. Судьбу такого рода принято называть феноменом «счастливого раба». И все же, представления о счастье и ценности были таковы, что попасть на государеву службу считалось в высшей степени престижно. В традиционных благопожеланиях отразились вековые мечты юношей и девушек: «*Щауэ махуэ ухъу!*» – «Стань удачливым юношей (воином)!», «*Пащтыхьым и бжаблэм къулыкъу щыщэн*» – «Попасть на службу в государев двор». Как свидетельство здравого смысла на сей счет существует метафорическое выражение в черкесском фольклоре: «*хамэ кӀутӀу*» – «курица, несущая яйца по чужим дворам». Вопрос о том, как эти успешные солдаты относились к своей отчизне, думали ли они и переживали за судьбу своих соотечественников, абсолютно не корректен. Для отчужденного человека характерен полный отрыв от своих корней и, соответственно, уход от проблем озабоченности обустройством своей страны [Налчаджян, 2004: 166].

4

Традиция выдавать замуж своих дочерей за властителей Золотой Орды, Египта, Турции, Крымского ханства, России, Ирана и Грузии сложилась у черкесов издавна. В жилах османских султанов и крымских ханов текла черкесская кровь. В 1514 г. был заключен брак наследного принца, бейлербея Кафы, сына Селима Грозного Сулеймана и дочери бесленейского пши Каноко. Черкешенкой была мать Селима III (1789–1807) валиде султан Михришах, жена Мехмеда II (1808–1839), она же Безмиалем – мать Абдул Меджида I (1839–1861) и Абдул Азиза (1861–1876); три из четырех официальных жен султана Абдул Меджида I Шевкефзе, Тиримуджган, Гюлушту – тоже черкешенки. Шевкефзе – мать Мурада V (1876), Тиримуджган – мать султана Абдул Хамида II (1876–1909), Гюлушту – мать Мехмеда VI Вахидеддина (1918–1922), последнего османского султана [Авакян, 2001: 89; Мантран, 2006: 291]. Фавориткой

султана Абдул Азиза была черкешенка Несрин, сестра печально знаменитого черкеса Хасана [Фрили, 2004: 318–319].

Почти все крымские ханы, начиная с Сахиб Гирея (1532–1551) роднились с дочерьми черкесских князей. Летом 1533 г., после кончины своей супруги Фатьмы султан, хан Сахиб Гирей ездил в Керчь жениться на черкешенке, надо полагать, знатного рода [Некрасов, 2005: 146–157]. Из четырех официальных жен Девлет I Гирея три были черкешенками: первая Айше-Фатьма – дочь бесленейского тлакотлеша Тазритокова, вторая – Бисултан – сестра бесленейского пши Канклыча Канокова, третья – Хансурет – дочь кабардинского пши Алхаса Джамурзовича из рода Клехстана [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 15, л. 44]. Айше-Фатьма султан была матерью ханов Мухаммед II Гирея (1577–1584) и Ислам II Гирея (1584–1588) [РГАДА, ф. 123, оп. 1, кн. 10, л. 163; кн. 15, л. 88, 89, 289об. - 291об.; кн. 16, л. 153об. -154; 1579, д. 2, л. 53–56; 1582, д. 1, л. 1]. Один из сыновей Девлет I Гирея Мубарек (Шакай) Гирей воспытывался у кабардинского пши Асланбека I Кайтуковича и женился в Черкесии на княгине Дурбике Каноковой. Мубарек Гирей *«во времена жестокостей Гази Гирея бежал в черкесские пределы, где и умер, оставив двух сыновей – Джанибек Гирея и Девлет Гирея»* [Смирнов, 2005, т. 1: 350]. Мать их княгиня Дурбика Канокова, *«прелестная и обворожительная особа»*, последовательно находилась замужем за тремя ханами и благодаря своему личному влиянию добилась ханской власти для своего сына Джанибека II Гирея (1610–1623, 1628–1635) [Смирнов, 2005, т. 1: 270–271]. Сам Джанибек II Гирей взял женой княгиню Накуру Ибаковну, племянницу великого князя Шолоха Великого [РГАДА, ф. 115, оп. 1, 1616, д. 1, лл. 59–60]. В 1589 г. князь Шолох Тепшарукович отказывался принимать присягу русскому царю, аргументируя это тем, что две дочери его в замужестве за Гиреями в Крыму, а одна за дагестанским шамхалом [СРК: 137].

Кабардинская знать была связана родством и с иранскими шахами. В частности, шах Аббас I (1587–1629) был зятем пши Алхаса Джамурзовича Клахстанова. Ввиду того, что мать шаха Сефия I (1629–1642) тоже была кабардинкой, к нему по праву близких родственников часто ездили князья Бобарука, Татархан и Тонжехан Арасланмурзины; их старший брат (Иван) служил

стольником и воеводой в Москве. Княгиня Увжюгта, сестра Муцала Сунчалеевича, была обещана закубанскому ногайскому князю, но отдана за шаха Аббаса II (1642–1667), из-за чего возник конфликт, была подана жалоба русскому царю. Немецкий философ И. Г. Гердер (1744–1803) имел все основания писать, что «индуски и черкешенки облагородили персидскую кровь» [Гердер, 1977: 155].

Частые браки грузинских владетелей с дочерьми кабардинских князей определялись заинтересованностью в союзе с Кабардой, имевшей непосредственную границу с Грузией. Кратчайший путь в Астрахань, Москву и Крым пролегал как раз через кабардинские земли. Будущий царь Кахетии Георгий, по свидетельству Вахушти Багратиони, в 1563 г. взял в жены «дочь господина черкезов» Русудан Джанмурзовну (Клахстанов род). В 1589 г. грузинский (кахетинский) царь Александр II женил своего сына Ираклия на дочери тлакотлеша Хату Анзорова. Великий князь Алигоко Шогенокович в 1640 г. породнился с менгрельским царем Леваном II Дадиани (1611–1657), выдав свою дочь за его сына. Царь Имеретии Александр IV (1683–1695) состоял в браке с дочерью Клычуко Келеметовича (Татлостанов род), а княжна Русудан Вторая из Клахстановых была женой имеретинского царевича Вахтанга VI (1703-1711).

Династические браки были важным инструментом политики черкесских князей. С одной стороны, они укрепляли международный престиж, а с другой – значительно усложняли положение страны, способствуя углублению незатухающей усобицы, возникновению новых феодальных групп. К концу XVI в. в Кабарде сформировались три партии: протурецкая, прорусская и проиранская. Каждая из них получила возможность призывать к себе на помощь силы своих союзников. Сложилась уникальная ситуация: баланс трех сил, тупиковая ситуация, которую самостоятельно нельзя было преодолеть.

5

Из всех черкесских областей самые поздние политические образования – *Кабардей* и *Бесленей*. Кабарда с момента своего возникновения и до конца XV в. существовала как единое целое. В

дальнейшем слабость института великокняжеской власти позволила уйти пши Каноко со своими людьми в Западную Черкесию и образовать на Лабе княжество *Бесленей* (по имени его деда – сына Инала пши Беслена I). Переселение не обошлось без поддержки правящих кругов Турции и Крыма, с которыми протобесленейцы успели породниться. Историческая песня «Кизбрунская битва», посвященная этому событию, связывает его со временем Идара (четвертое колено от Инала) и сообщает об участии в битве конных бжедугов и пеших абазин на стороне пши Каноко [Ногма, 1956: 57-63]. За короткое время у новообразованного княжества Бесленей сложились прочные отношения с Портой и менее прочные – с Кабардой.

Второй раздел Кабарды связан с именем удельного пши Алхаса Джанмурзовича (род Клахстана). Алхас приходился шаху Аббасу I тестем, а грузинскому царю Александру – дядей. Осуществлением идеи обособления он обязан различным обстоятельствам и, прежде всего, восхождению на персидский престол Аббаса I (1587–1629). В 1588 г. пши Алхас увел свое население на правый берег Терека, в «одном дне пути» от входа в Дарьяльское ущелье и в «двух днях пути» от прежнего своего места пребывания (район Татартупа), и основал княжество, получившее название Клахстаней. Шах пожаловал Алхасу и его сыну Мудару контроль над стратегическим и торговым путем через Дарьял в Грузию и сбор дани с прилегающих земель, включая Сванетию [СРК: 131]. Переселенцы быстро освоились на новом месте. Этот факт подтверждали русские послы в Грузию Михаил Татищев и Андрей Иванов в 1604 г.: «тою дорогою в горах к Сонской земле кабаки Айтек мурзины и промысл весь будет в дороге и в мостах Айтек мурзин» [СРК: 453]. В 1614 г. стало известно об отъезде Мудара Алхасовича к шаху Аббасу I и обратном его приезде «с честью»: «А с ним де приехали кизилбашских шах Басовых людей человек с 30 и живут у него по се время и построили у него в кабаке особые хоромы-избы» [КРО I: 88]. Это же местоположение Клахстановых отмечают и документы 20-30-х гг. XVIII в. [КРО II: 40].

Процесс дробления Кабарды продолжился и в дальнейшем. Особенно негативным, по своим последствиям, стало

переселение пши Сунчалае Канклычевича с братьями (часть княжества Идарей) в устье реки Терек, где они образовали поселение (Черкасская слобода), подвластное России. Произошло это после убийства братьев Мамсыруко и Думануко Кемиргоковичей в 1598 г. Казием Пшиапшоковичем. Борьба претендетов за верховное княжение закончилась кровавой драмой. Мамсыруко съездил в Москву и получил царскую грамоту на великое княжение в Кабарде. Кази под предлогом примирения пригласил его с братом к себе на трапезу: «зазвав к себе меду пить и держав их у себя два дни скованных и на третий день убили» [КРО I: 385]. Испугавшись возмездия, Кази бежал за Кубань к бесленейцам и жил там три года. Гибель Кемиргоковичей побудила их двоюродных братьев Куденета Канбулатовича и Сунчалае Канклычевича спастись бегством в Терский город. По их просьбе в 1603 г. царь Борис Годунов разрешил им селиться под Терским городом особой слободой и получать за службу хлебное и денежное жалованье.

Бесконечные княжеские распри в Кабарде привели в 1641 г. к очередному военному столкновению двух враждующих партий (крымско-турецкой и прорусской) и вынужденной миграции большей части населения в Закубанье, что, по-сути, означало – в пределы Крымского ханства. Событие расценили в Москве как серьезную потерю. Срочно были приняты меры дипломатического воздействия, которые не прекращались вплоть до конца 60-х годов XVII в. Наконец, после смерти пши Алигоко Шогеноковича, стараниями более мудрого и компромиссного правителя Хатокшоко Казиевича переселенцы вернулись на Малку и Баксан. Не стал препятствовать этому и миролюбивый хан Адиль Гирей (1666 – май 1671) [Сокуров, 2011: 208–224].

Уроки истории XVI–XVII вв. мало чему научили кабардинских князей, и события XVIII в. стали простым повторением пройденного. Попытки обособления со своими подданными предпринимал и пши Асланбек Кайтукин (1721–1746). Вероломный и алчный князь, готовый прибегнуть к самым бесчестным средствам ради возможности расширения своих границ, он сначала хотел вывести свое владение в Россию, затем

стал яростным сторонником крымского хана, затем опять занял русскую сторону. Удачные набеги на соседей, включая абазин, осетин, чеченцев и балкарцев, значительно укрепили его власть. Однако эти военные компании, не дав сколько-нибудь серьезных приобретений, привели к гражданской войне и распаду Большой Кабарды. Четверть века подряд он добивался лидерства и главенства в Кабарде, не обладая при этом необходимыми лидерскими качествами. Он не пользовался авторитетом ни в среде аристократии, ни в народе [АВПРИ, ф. 115/1, 1722, д. 3, л. 1–22; АВПРИ, ф. 115/1, 1724, д. 2, л. 4; РГАДА, ф. 248, 1731, кн. 472, лл. 181–185об. АВПРИ, ф. 115, 1730–33, д. 1, л. 17-26об.; АВПРИ, ф. 115/1, 1731-1732, д. 1, л. 6–7; КРО II: 38–39, 58, 65, 77, 90].

К середине XVIII в. Татлостанеевское княжество стало тяготиться тиранией князей Большой Кабарды настолько, что оно было на грани возможного обособления. Пши Татлостановы неоднократно обращались к русской императрице с жалобами на притеснения и бесчисленные разорения со стороны могущественных соседей. Жалобы такого рода отмечены под 1746, 1750, 1755, 1757, 1758 гг. [ЦГА РД, ф. 379, оп. 1, д. 332, л. 34; АВПРИ, 1757, д. 6; ЦГАРД, ф. 379, оп. 1, д. 416, лл. 74–80; ЦГА РД, ф. 379, оп. 1, д. 355, л. 98-98об.; КРО II: 198–201]. Пши Адильгирей Клахстанович, в отчаянии решился на одно из самых рискованных предприятий – согласился на предложение русского правительства приютить в своем владении, в ауле Бароко Анзорова, осетинскую комиссию христианских миссионеров во главе с архимандритом Пахомием.

Логическим продолжением и кульминацией этих событий стало крещение в Кизляре (22.08.1759) владельца Клахстанейского княжества Кургоко Каншаоковича и обращение его с просьбой об отводе ему места под поселение между урочищами Моздок и Мекень и допуске его к императорскому двору [КРО II: 201]. В Санкт-Петербурге пши Кургоко испросил Высочайшее соизволение поселиться в урочище Моздок и построении там военного укрепления [КРО II: 218–220]. Образование Моздокской крепости в 1763 г. вызвало резкий протест со стороны князей, на вероотступника была объявлена

охота с целью его убийства [КРО II: 232–233]. Князьями Большой Кабарды было подано прошение на имя императрицы с требованием прекращения строительства крепости. Однако прошение не было удовлетворено, а население Моздока увеличивалось за счет не только кабардинцев, но также осетин, грузин, армян и ингушей. Участились побегі крепостных крестьян. Уже через год население Моздока насчитывало более 200 душ крещеных кабардинских поселенцев [РГАДА, ф. 23, д. 9, ч. 7, л. 259; д. 4, ч. 5, лл. 56, 57, 128 и др.]. Политическое и религиозное отчуждение неминуемо превращает человека в объект манипуляции. При этом принимающая сторона, как правило, преследует маниакальную идею приобретения новых земель. Крещение крестьянского сословия происходило по тому же сценарию, что и христианизация всего мусульманского населения России (башкир, татар и др.). Перспектива получения земли на предгорной равнине, обещанная миссионерами, значительно способствовала распространению христианской религии в среде осетин и ингушей. Смена веры воспринималась ими как действенная защита от захватнических стремлений владетелей Кабарды. XVIII век имел определяющее значение для Северного Кавказа. Российская колониальная система стала по-новому перестраивать традиционные общества в соответствии с интересами экономики населения империи. Кавказцы оказались включены в совершенно иной мир, с другими законами жизнедеятельности, иной моралью и структурой. Именно в том веке сложились основные модели взаимодействия между российским и кавказским населением, определившие развитие региона на протяжении следующего столетия.

Черкесы – древний народ и за свою долгую историю пережили немало больших и малых миграций. Во время каждого из них население испытывало серьезные потрясения. Но самое тяжелое испытание за всю историю выпало на их долю в годы Русско-Кавказской войны 1763–1864 гг. и последовавшей за ней массовой миграции в Османскую империю. Это было столкновением разных культурно-исторических типов. К середине XVIII столетия Россия стала одной из самых мощных

военно-политических держав Европы, развернувшей сильный натиск по всем направлениям, в том числе кавказском. Война была обусловлена самой природой русского милитаризма. Империя располагала колоссальным потенциалом населения и регулярной армией, эффективно использовавшей самый мощный вид оружия того времени – артиллерию. Русское командование имело хорошо продуманный план действий. Что могли ему противопоставить горцы, кроме безумной смелости и стойкости? В мире нет ценности выше человеческой жизни. Черкесы же, следуя традиционному принципу «честь дороже жизни» («псэм ипэ напэ»), в ходе длительной и неравной борьбы продемонстрировали чудеса отчаянной храбрости. Так и не найдя возможности преодолеть внутренние противоречия и выработать единую политику и идеологию, страна была обречена на гибель. Любая война когда-нибудь кончается миром, компромиссом или согласием. Но и здесь судьба была не на их стороне. В целях самосохранения человеческая психика вынуждает иногда бежать от действительности. Черкесы вынуждены были покинуть свою Родину навсегда, без права возврата, в чем и расписывались, по требованию российских властей. Война, чума и великая миграция 60-70-х гг. XIX в. унесли жизнь 9 из 10 человек. В период второй волны массового исхода (80-90-х гг. XIX в.) стоял вопрос о выселении оставшихся 30 тыс. черкесов Майкопского и Екатеринодарского отделов Кубанской области и даже подготовлен был список об исключении их «на веки из числа подданных Российской империи». И если бы не произошедшая «осечка» в русско-турецких переговорах и не медлительность бюрократических учреждений, сегодня Республики Адыгея могло не быть.

В политическом смысле массовый исход обернулся величайшей драмой в истории черкесского народа, как бы ее не называть: геноцид, изгнание, национальная трагедия. Народ не был настроен менять порядки и приспосабливаться к новой власти. Этот кризис совершенно не похож на все то, что мы знаем, и потому в своем роде уникален. Анализ способов преодоления черкесами этой жизнеопасной ситуации позволяет выделить две специфические особенности, в основе которых

лежит определенный тип реакции: самопожертвование (*шагидизм*) и исход. Трагизм ситуации заключается даже не в том, что черкесы потеряли Родину, а в том, что они «потеряли себя» и не знали, как жить дальше. Другими словами, деформирована этническая идентичность. Затянувшаяся миграция черкесского народа (речь идет уже о пятом поколении диаспоры) говорит о том, что процесс ассимиляции приобрел необратимый характер.

Выводы. Причин для индивидуального и коллективного политического отчуждения у представителей черкесского традиционного общества было много: военно-аристократический образ жизни, целиком посвященный воспитанию военного духа, своеобразие общественных институтов и соперничество ведущих княжеских родов за верховное княжение; возможность найти больший простор, чем у себя дома, где социальные лифты были затруднены. Немалую роль в становлении международного статуса и имиджа черкесов играли вышеописанные традиционные институты, как комитат (итал.: *comitat*) – выезды на королевскую службу и практика династических браков. Они служили элементами единой системы и, взаимодействуя между собой, поддерживали мобильность и жизнестойкость общества. Но, со временем, такая специфика культурной модели стала настоящим тормозом развития общества.

Характерной чертой политической истории Кабарды, вплоть до полной утраты ею самостоятельности является трибализм – стремление к политическому обособлению отдельных князей. В чем причины этого перманентного процесса распада страны? Может быть, в особом мировоззрении и в тех субъективных ошибках князей, которые в основном «подчинялись» порядку внутренней свободы, а не внешней необходимости. Один из просвещенных представителей черкесской аристократии Шора Бекмурзович Ногмов (1794–1844) рассуждал на эту тему: «*Народ наш не имел гражданского устройства и, не зная выгод правительства сильного, не терпел неограниченных владетелей в земле своей и думал, что лучшее благо для человека есть дикая и необузданная свобода*» [Ногмов, 1994:

93]. Анализируя традиционный исторический опыт черкесов, мы приходим к выводу, что главными движущими факторами в их жизни были два взаимосвязанных социально-психологических феномена: внутренней свободы и отчуждения человека.

Война за независимость Черкесии закончилась полной катастрофой – переселением 90 процентов ее населения в пределы Османской империи. Это было вынужденное переселение, обусловленное целым рядом факторов, как внешних, так и внутренних, среди которых свою роль сыграли, конечно, и религиозный фактор, и традиционное мировоззрение с мифологическими представлениями о свободе и чести. В результате этих трагических событий поступательное развитие народа было прервано. В XX–XXI века черкесы вошли как рассеянный и «проблемный» этнос, с тяжелым грузом прошлого, у которого, наряду с проблемой выживания в условиях глобализации, существует и проблема примирения с прошлым. Необходим «катарсис» (психологическое очищение), повторное сжатое, насыщенное проживание прошлого, для чего важно дать народу правдивую информацию, а не загонять вглубь последствия этнической травмы.

Примечания

Авакян, 2001 – *Авакян, А. Г.* Черкесский фактор в Османской империи и Турции (вторая половина XIX - первая четверть XX в.). Ереван, 2001. с. 146-147.

Бартольд, 1966 – *Бартольд, В. В.* Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. М., 1966, с. 63;

Битти 2007 – *Эндрю Битти.* Каир. История города. М-Спб, 2007, с. 185-186.

Бондырева С.К., Колесов Д.В. «Выживание (факторы и механизмы)», М., 2005. – 104.

Броневский, 1823 – *Броневский, С. М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2. М., 1823.

Бычкова, 1986 – Текст Синодика по кн.: *М. Е. Бычкова.* Состав класса феодалов в России в XVI в. М., 1986, с. 178.

Выписка о приезжавших на Москву царевичах и Черкасских и Ногайских мурзах, с 1552 по 1618 гг. рукопись XVII в. на 13 л. // Русская историческая библиотека (РИБ). Т. XXII. Книга вторая. Дела Тайного приказа. СПб., 1908, с. 887.

Гердер, 1977 – *Гердер, И. Г.* Идеи к философии истории человечества. Перев. и прим. *А. В. Михайлова*. М., 1977.

Грановская, 2004 – *Грановская, Р. М.* Психология веры. Спб., 2004, с. 505-508.

Bratianu, 1927, 1929 – *Bratianu G.I.* Actes des Notaires Genoises de Pera et de Caffa de la Fin du Treizieme Siecle (1281-1290). - Bucarest, 1927; *Bratianu G.I.* Recherches sur la Commerce Genoises dans la Mer Noire au XIII siecle. -Paris, 1929;

Зевакин, Пенчко 1938 – *Зевакин, Е. С., Пенчко, Н. А.* Очерки по истории генуэзских колоний // Исторические записки. М., 1938. т. 3, с. 91-94.

Иванов, 2001 – *Иванов, Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516-1574. изд. 2-е, дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, с. 15-16;

Кадырбаев, 2008 – *Кадырбаев, А. Ш.* Династия черкесских мамлюков в Египте и Сирии. 1382-1517 гг. // <http://islamica> 2008. Центр арабских и исламских исследований.

Лемерсье-Келькеже, 1970 – *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. // Сб. Франко-русские экономические связи. – Москва-Париж, 1970. – 434 с. 38-64; *Николай Тернавский.* Байда на Кубани // <http://www.proza.ru/2009/03/20/1025>; Кузнецов, О. Ю. Рыцарь Дикого поля. Жизнь и судьба князя Д. И. Вишневецкого с. 1-39 // [Http://ukrhistoria.at.ua/Kuzn](http://ukrhistoria.at.ua/Kuzn) .

Мантран, 2006 – *Робер Мантран.* Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. М., «Молодая гвардия», 2006, с. 291;

Налчаджян, 2004 – *Налчаджян, Альберт.* Этногенез и ассимиляция: психологические аспекты. М.: 2004. с. 166.

Некрасов, 2005 – *Некрасов, А. М.* Женщины ханского дома Гиреев в XV-XVI веках // Генеалогия Северного Кавказа.

Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал. № 13. Нальчик, 2005, с. 146-157.

Ногма, 1956 – *Ногма, Ш. Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 73.

Пензер, 2007 – *Норман Пензер.* Гарем. История, традиции, тайны / пер. с англ. *О. И. Миловой.* - М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

Печеви, 1988, 1992 – *Ибрахим Эфенди Печеви.* История. Перевод с турецкого языка и примечания акад. *З. М. Буниятова.* Баку: «Элм», 1988, с. 25-26; [Peçevi İbrahim Efendi]. Peçevi Tarihi. C. II. Hazırlayan Prof. Dr. *Bekir Sıtkı Baykal.* Ankara, 1992. S. 15.

Печеви Тарихи I: 27, 197, 338; том II: 15, 48, 55, 72, 74, 77, 82-88, 95.

Поляк, 1964 – *Поляк, А. Н.* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Под ред. *А. С. Тверитиновой.* М., 1964, с. 52.

Поркшеян, 1957 – *Поркшеян, Х. А.* К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1957, с. 353.

Психологическая, 2006 – Психологическая энциклопедия. 2-е издание. Под редакцией *Раймонда Корсини, Алана Ауербаха.* Научная редакция перевода на русский язык проф. *А. А. Алексеева.* СПб.: Питер, 2006. - 1096с.

Путешествие, 1902 – Путешествие Шардена по Закавказью в 1672-1673 гг. Тифлис, 1902, с. 20.

Смирнов, 2005 – *Смирнов, В. Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в 2-х томах. Том 1. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. М., издательский дом «Рубежи XXI», 2005; Том II. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII века до присоединения его к России. М., издательский дом «Рубежи XXI», 2005.

Сокуров, 1999 – *Сокуров, В. Н.* Институт выезда на службу у черкесов // ж.: «Эльбрус», 1999. № 1. Выпуск Кабардино-Балкарского историко-родословного общества. Нальчик, 1999, с. 102; там же: Valery Sokurov. The Komitat, or The Circassian Procedure of Departure for Service. Digest of V N Sokurov's Article. с. 288-291.

Сокуров, 2006 – *Сокуров В. Н.* Кабардинцы в составе государева двора (XVI-XVIII) // Государев двор в истории России XV-XVIII столетий. Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2006, с. 296-311.

Сокуров, 2011 – *Сокуров В. Н.* Освобождение Кабарды от крымско-турецкой зависимости (1670-1708 гг.) // Кавказские научные записки. № 1, 2011, с. 208-224.

Сокуров, 2011 – *Сокуров, В. Н.* Черкесский кондотьер Ивана Грозного князь Махошко Канокоев // Родина, 2011, № 11, с. 55-58.

Спенсер, 2008 – [Эдмунд Спенсер]. Описание поездок по Западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию, в 1836 году Эдмундом Спенсером, эсквайром, автором «Описания поездок в Черкесию». Перев. с англ. К. А. Мальбахова. Нальчик, 2008, с. 186-187.

Фарах Адиль Кизы Гусейн. Османо-Сефевидская война 1578–1590 гг. по материалам трудов османского летописца Ибрахима Рахимизаде. Баку: Нурлан, 2005.

Фарзалиев, 2002 – *Фарзалиев, А.* Южный Кавказ в конце XVI в. Османо-Сефевидское соперничество. Спб., 2002, с. 111-114;

Фрили, 2004 – *Фрили, Дж.* Тайны османского двора. Частная жизнь султанов. Перевод с англ. И. С. Соколова. Смоленск: Русич, 2004, с. 66;

Хотко, 1995 – *Хотко, С. Х.* Черкесские (адыгские) правители Египта и Сирии в XIII-XVIII веках. Майкоп, 1995, с. 113-131.

Хотко, 1999 – *Хотко, С. Х.* Генуэзцы в Черкесии // ж.: «Эльбрус», 1999. № 1. Выпуск Кабардино-Балкарского историко-родословного общества. Нальчик, 1999, с. 163.

Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. выпуск 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979, с. 26, 50, 59, 62, 63, 65, 82, 94, 105, 108, 113, 114, 117, 125, 139, 159, 193, 219;

Asafi Dal Mehmed Çelebi ve Seca`at-name, haz. Doç. Dr. Mustafa Eravcı, İstanbul, 2009. – 272 s.

Ayalon, 1949 – *Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // J. Ams. Orient. Soc.* 1949. Vol. 69. № 3 (New Haven). Ayalon 1953 - *Ayalon D. Studies and Structure of the Mamluk Army // Bull. Of the School of Oriental and African Studies.* I - 1953. N 15; II - 1954. N 16.

Ibn Iyas. Die Hronik des Ibn Ias. 2-te Aufl. Bearb. Und mit Einl. Und Indices versehen von Mohamed Mostafa. vol. 5. Kairo, 1963, с. 189; Иванов, Н. А. Указ. соч., с. 49, 56.

Kirzioğlu, 1998 – *Kirzioğlu, M. Fahrettin. Osmanlıların Kafkas Ellerini Fethi (1451-1590)*, 2. Baskı, Ankara, 1998, s. 442.

Cantimir, 1745 – *Cantimir Dm. Histoire de l'Empire Ottoman ou se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence. Traduite en Fransois par M. de Jonquieres. T. II. Paris, 1743, p. 293, 267, 306-307.* Cantemir Dimitrie. Geschichte des Osmanischen Reichs. Hamburg, 1745 // Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987, с. 138-142.

38-39. *Cantimir Dm. Histoire de l'Empire Ottoman ou se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence. Traduite en Fransois par M. de Jonquieres. T. II. Paris, 1743, p. 293, 267, 306-307;* İzzet Aydemir, Göç, Анкара, s. 203. 39. Смирнов В. Д. Крымское ханство... Т. 2. С. 19-21, 187.

Findıklılı, 1962–1964 – *Findıklılı Mehmet. Nusretname.* В. 1-3. İstanbul, 1962-1964. С. II. s. 247-248; Смирнов В. Д. Крымское ханство... т. 2. М., 2005, с. 15.

Osmanlı, 2003 – *Osmanlı Fermanları*, Ankara, 2003, s. 389–400.

Rawita // *Witanowdki, M. Tatarzyn Temruk Szymkowih Petyhorski indygena. Rosznik tatarski.* Wilno, 1932. t. 1, с. 180-183; *Driadulewicz, S. Hevbavz vodzin tatarskich u Polce Wilno*, 1929 (Vepint Warschava, 1986, с. 446–447; *Bovaioski, P. Tatarzy w*

dawnacy Prem Warschawa, 1986. с, 102-105; Крушинский М. Черкесские князья в Польше. // Генеалогия Северного Кавказа. № 3. Нальчик, 2002. С. 149-151; Х. Граля. «Князья черкесские в XVI веке в Речи Посполите» / Магазин исторических знаний. Варшава, 1999. С. 25–30; М. А. Кошев. Кавказцы в истории Польши.

Faroghi, 2004 – *Faroghi, S. The Ottoman Empire and the World Around It.* London; New-York, 2004. p. 57.

Verlinden, 1977 – *Ch. Verlinden. L'esclavage dans l'Europe Medievale.* T. II. Geut, 1977.

Сокращения

КРО – Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. т. I. XVI-XVII вв. Составители: Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. М., 1957; т. XVIII в. Составитель В. М. Букалова. М., 1957.

СРК – Сношения России с Кавказом

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение) М., «Языки русской культуры», 2000.

РК – Разрядная книга

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи